

Зоніцькі Белоруськай Дзяржаўнай
акадэміі сельскай гаспадаркі ТІХ.
1828. с. 1-62

ПРОФ. О. А. ХАУКЕ

ИНХАЛТ

Seite

1. Prof. O. A. Haucke. Landgenossenschaften in Preussen nach dem Gesetze vom Jahre 1920	1
2. A. I. Gorelikow. Zur Frage über die Form der statistischen Fragebögen für das Landwirtschaftliche Inventur	63
3. N. F. Subowitzsch. Die Veränderlichkeit der Qualitätsziffer und der Waldrénten für Nadelhölzer in Abhängigkeit von den Klassen Kraft's und den Bonitäten	70
4. P. Kutschinsky. Das Puffervermögen des Bodens, Methoden seiner Bestimmung und seine praktische Bedeutung	77
5. A. I. Lappo. Selbstbefruchtung (Autogamie) und Fremdbefruchtung (Heterogamie) in Zusammenhang mit der Fruchtlosigkeit (Sterilisation)	105
6. N. K. Nowizkaja. Die hydrobiologische Erforschung des Akademischen Teiches in Gorki	117
7. Prof. T. N. Gödnew, S. K. Korschewsky, M. N. Gontcharik. Versuche über Einwirkung von Eisensalzen auf das pigmentirende System des Chlorophylls	126
8. N. A. Doroschkina. Die wirtschaftliche Bedeutung des Kornbrandes der Getreidearten und die Bestäubung, als ein neues Mittel seiner Bekämpfung	136
9. I. T. Soldatoff. Die aktive Bodenazidität und der Erntertrag	141
10. E. A. Weiss. Zur Frage des Anbaues von Lupinen in Belorussj	166
11. A. I. Berzin. Versuche mit der Kultur von Hanf auf Torfboden und über Anwendung von Tof als Düngemittel	175
12. S. A. Kot. Die botanische Zusammensetzung der Gerstensorgen von Belarussj und vom Minskischen Kreise	184
13. Prof. W. Popow. Die Ausgleichung Geodätischer Vierecke	199
14. I. W. Subritzky. Ein Vergleich der bestehenden Methoden einer Bestimmung des wirklichen Azimuts der Erdrichtung bei verschiedenen Arbeiten der Landesrichtung	227
15. N. N. Kawzewitsch. Potentiometer zur Bestimmung des PH	245
16. F. H. Ziereschka. Die Zugänge zu der Abrechnung den wandlichen Pfähle in wasser durchlassungische Holzaufbauen	261

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ТОВАРИЩСТВА В ПРУССИИ ПО ЗАКОНУ 1920 ГОДА

1. Земельная колективизация на Западе и у нас.—2. Вопрос о земельных товариществах в Пруссии.—3. Цели земельных товариществ.—4. Единство плана устройства земель и их эксплатации.—5. Свойства основных земель, включаемых в товарищество.—6. Дополнительные земли.—7. Состав товарищества.—8. Вспомогательные участки.—9. Порядок образования земтоварищества.—10. Принцип принуждения.—11. Проверка с точки зрения публичных интересов.—12. Изменение границ участков.—13. Изменение утвержденного устава.—14. Органы надзора.—15. Общие функции и средства надзора.—16. Органы товарищества.—17. Юридическая позиция и функции правления.—18. Право товарищества на производство работ на землях товариществ.—19. Товарищеские повинности товариществ.—20. Судеба основного земельного права товариществ и юридическая их позиция в отношении товарищества.—21. Распределение участия в товариществе между товарищами.—22. Право товарищества на возмещение убытков.—23. Участие в коллективном хозяйстве.—24. Материальная ответственность товарищества.—25. Публичноправовой характер товарищеских повинностей.—26. Меры принуждения в отношении товариществ.—27. Защита товариществ в отношении правления.—28. Изменения в составе товарищества.—29. Условия производства подготовительных работ.—30. Финансовая сторона дела при образовании товарищества.—31. Изделия производства по учреждению товарищества.—32. Права арендаторов и третьих лиц.—33. Охрана природы.—34. Содержание устава.—35. Значение устава.—36. Товарищеский третейский суд.—37. Закрытие и ликвидация земтоварищества.—38. Преобразование водных товариществ в земельные.—39. Соотношение водных и земельных товариществ.—40. Общее заключение о начале принудительности в аграрно-коллективистическом строительстве.

I. Земельная колективизация на Западе и у нас.

Земельная колективизация является одним из пунктов, в котором проявляется глубокое различие между нашим советским землеустройством и современным западноевропейским, буржуазным. Но различие это не надо представлять себе через чур грубо и прямолинейно. Не надо думать, что весь наш аграрный уклад пронизан на все сто процентов аграрным колективизмом, а в буржуазных странах его нет вовсе. Такое представление не соответствовало бы действительности.

Различие я усматриваю в трех направлениях.

Во-первых, мы желали бы все крестьянское сельское хозяйство перестроить на колективные начала. Поскольку индивидуальное хозяйство у нас существует в миллионах крестьянских хозяйств, мы его терпим,

готовы даже его улучшать и ему помогать. Но это не та аграрная форма, которую мы считаем лучшею и для нас желательною. Напротив, буржуазный запад придает величайшую цену индивидуальному хозяйству, считает его наиболее производительным. Поэтому, например, некоторые виды немецкого землеустройства имеют целью сделать отдельные индивидуальные хозяйства возможно более независимым и свободными от каких либо стеснений; обеспечить личной инициативе наиболее широкий простор. Однако, в то же время буржуазный режим считает, что некоторые специальные стороны сельского хозяйства и земельного строя должны быть коллективизированы, и в этом направлении не останавливается перед применением даже принуждения. Кооперация, самая разнообразная, довольно развита в таких буржуазных странах как Дания, Швеция, Норвегия, Голландия, Германия и т. д.

Во-вторых, мы считаем, что и в сельском хозяйстве преимущества лежат в крупном хозяйстве. А так как мы не желаем возрождения крупно-кулацкого или помещичьего хозяйства, то переход к крупному хозяйству возможен для нас только в форме соединения мелких хозяйств в колхозы, если оставить в стороне совхозы, которые могут, пока что, организовываться только на свободном земельном фонде. По этому пункту мы решительно расходимся с буржуазной аграрной политикой. Одно, весьма сильное течение в ней считает, что мелкое крестьянское хозяйство отличается более высокой производительностью, по сравнению с крупным, а потому не прочь ликвидировать все помещичьи хозяйства путем разбивки их на мелкие крестьянские. Другое течение, не отрицая крупных выгод мелких хозяйств в одних отношениях, признает значительные выгоды крупных хозяйств в других отношениях и потому желало бы сохранения и мелких, и крупных хозяйств. Но и первое течение не считает, что мелкое хозяйство проявляет свои преимущества во всех отношениях. Наиболее авторитетные и распространенные аграрно-политические течения признают, что некоторые стороны хозяйства могут быть производительно поставлены только в масштабе крупного хозяйства (племенные производители, электрофикация, некоторые машины и т. д.), а потому рекомендуют эти стороны хозяйства (но только эти стороны) коллективизировать, чтобы организовать их по типу крупного хозяйства. Такую картину мы и наблюдаем, до некоторой степени, в западноевропейском крестьянском хозяйстве. Называть его мелким можно только с некоторым ограничением. Крестьянское хозяйство состоит там, в действительности, из двух частей: в одной части оно является индивидуальным и мелким; в другой своей части оно введено в крупное коллективное хозяйство (в отношении сбыта и переработки молока, использования племенных производителей, использования некоторых машин, устройства мелиораций и мн. др.). По каждой из подобных сторон и отраслей хозяйства организуется свое крупное об'единяющее хозяйство, организуется в том об'еме, в котором это окажется наиболее выгодным. В сущности, явления подобного же рода, но в более скромном размере, мы наблюдали в крестьянском земельном обществе и у нас. Хозяйства отдельных дворов в нем, вообще говоря, индивидуальные. Но, например, такую часть сельскохозяйственного производства, как летнее пастьбищное корытление скота: скот об'единяется в одно общее стадо, вверяется особому "специалисту"—пастуху, пастьбищная площадь об'единяется (специальные выгоны, пары, жневье, луга до заказа и после укоса, лес). Мы имеем здесь настоящий коллектив и несомненное крупное хозяйство в отношении указанной части сельскохозяйственного производства. Частичные коллективизации мы наблюдали у нас и по некоторым другим линиям.

Наконец, в-третьих, мы желаем не кооперации "вообще" и не колхозов "вообще". Мы желаем об'единения только бедноты и середняков и хотим исключить из об'единения зажиточные элементы деревни. Подобной социальной задачи буржуазные страны себе не ставят. Где это им кажется нужным и полезным, они об'единяют в кооперацию и колхозы всех, включаются сюда даже помещики, подчас весьма крупные. Принимаются лишь меры к тому, чтобы в коллективе отдельные лица не получили такого преобладания, что общественность окажется фактически подавленной либо уничтоженной. Предаваться особым иллюзиям насчет эффективности этих мер не приходится. Мы знаем, что юридическое равенство людей, различно поставленных в социальном смысле, не обеспечивает их практического равенства. Кроме того, марксистская литература достаточно разъяснила, что в условиях буржуазных коопераций неизбежным образом вплетается в систему капитализма и пронизывается им.

Таким образом, коллективизация на буржуазном западе и у нас явления глубоко и принципиально различные. Там коллективизация—некоторое дополнение к индивидуалистической системе народного хозяйства и одно из проявлений капиталистической системы; у нас коллективизация—основной принцип всей нашей аграрной политики, одна из основ социалистического строительства.

При таких условиях, казалось бы, аграрная коллективизация на Западе не может представлять для нас никакого интереса, кроме отрицательного. Но руководители советской системы не раз указывали нам на необходимость удерживаться от всякого самомнения и чванства. Нам полезно вглядеться и в те области на Западе, которые мы считаем своими по преимуществу. Нам надо использовать западный опыт, но, разумеется, ясно отдавая себе отчет о глубоких принципиальных отличиях между нашей и западной основной установкой. В особенности я хотел обратить внимание на один пункт. У нас довольно сильно укрепилось представление, что строительство колхозов должно быть лишено всяких элементов принуждения. Эту мысль мы проводим слишком прямолинейно. В другом месте я постараюсь доказать, что без применения некоторой доли принуждения строительство аграрных колхозов едва ли может иметь прочный успех и что в этом пункте лежит принципиальное различие между аграрным коллективизмом и кооперацией. В этой статье я имею намерение дать только по возможности исправное изложение строительства одного специального типа аграрных колхозов в Германии.

2. Вопрос о земельных товариществах в Пруссии.

В связи с необходимостью дальнейшей интенсификации и без того интенсивного сельского хозяйства, в целях улучшения водных путей сообщения, использования живой силы текучей воды и в целях других германских государств занялись с начала XX века пересмотром и перестройкой своего водного законодательства. Пересмотр завершился в ряде государств изданием крупных водных кодексов. Если не ошибаюсь, Пруссия последняя проделала подобную работу, но зато и отличается эта работа высоким техническим совершенством, как бы ни относиться к ее содержанию с социальной стороны. Прусский "Водный закон" от 7 апреля 1913 г. охватывает 401 статью. Пятая часть закона, ст. 206—283, посвящена водным товариществам, т. е. водно-земельным колхозным

В задачу водного товарищества уже вовсе не входит коллективное ведение всего сельскохозяйственного производства, что может быть целью земельного товарищества. Но и не говоря об этом, в задачу водного товарищества не входит проведение дорог, устройство мостов, разделка целины, раскорчевка, обработка, удобрение, посев, посадка деревьев не для защитных или водоохранных целей, а для ведения лесного хозяйства и т. д. Все это может составить прямую задачу земельного товарищества. Но бывают случаи, когда, за отсутствием последнего, водные коллективы вплзают и в эту область, за пределы гидротехники.

С другой стороны, земельное товарищество не имеет задачей производство всяких гидротехнических работ, по крайней мере в качестве цели главной. Например, работы, связанные с превращением живой силы текущей воды в электрическую энергию для промышленных целей, не могут быть основной задачей земельного товарищества. Оно имеет прямой задачей превратить пустующие, малоподородные земли в сильные, доходные угодья и наладить на длительное время возможность интенсивного их использования. Для этой цели могут понадобиться весьма разнообразные гидротехнические мероприятия (но не только они). Я затрудняюсь указать, какие из мероприятий, будучи вполне возможными, как цели водных товариществ, будут абсолютно чужды земельному товариществу. Требуется лишь, чтобы они укладывались в основную цель землевариишества и охватывали земли определенного рода (пустыри и т. п.).

Таким образом по своему содержанию земельные товарищества шире водных¹⁾, и могут охватить все задачи последних. Этим обясняется, почему закон 1920 г. предусмотрел необходимость превращения водных товариществ в земельные, и справедливо не ставит себе задачей превращения земельных коллективов в водные. Этим же обясняется почему землевариишества гораздо больше пронизываются колективистическим радикализмом (в смысле всякого рода административного принуждения), чем водные товарищества.

За всем тем, надо признать, что грань между землевариишествами и водными довольно выская. В современном колективистическом движении и на Западе, и у нас все находится в процессе становления и бурного развития, примером которого служит изучаемый закон. Коллективы отдельных типов дифференцируются и интегрируются. К какой схеме коллективов мы придем, — сказать пока трудно. Я предполагаю, что в сфере собственно земельной (включая сюда и водную) типы коллективов будут различаться по пространству действия. Коллективы, охватывающие обширные районы, будут весьма узки по своим задачам. Чем меньше район действия коллектива, тем задачи его будут становиться многообразнее и глубже. Эта схема будет самой практической и выгодной в народно-хозяйственном смысле. Не углубляясь здесь в эту тему, сошлюсь на такой пример: регулирование извилистой реки на протяжении, положим, 60 километров требует очень крупного коллектива, если не выполнения в государственном порядке. Глупо и невыгодно было бы этому же коллективу поручить и мелкую сельскохозяйственную мелиорацию. Для нее нужны не столь крупные коллективы; здесь нужны, так сказать, коллективы второго порядка. На коллективы низшего порядка, в пределах территории крупного хозяйства, легли бы задачи наиболее широкие. Эти задачи не было бы смисла суживать. Их надо связать

только обязанностью считаться с мероприятиями, осуществляемыми коллективами высшего порядка в смысле района действия.

Здесь кстати будет сказать, что успехи земельной и водной колективизации требуют полной унификации землеустройства и водоустройства. Наблюдаемое у нас довольно сильное стремление практически разобщить эти два дела, подменить реальное единство «согласованиями», т. е. томительной канителью, ложет тяжелым бременем на пути колхозного строительства, как оно легло уже тяжелым бременем на советском землеустройстве. Между тем, указанное стремление с каждым годом, шаг за шагом, делает все большие и большие завоевания.

40. Общее заключение.

Представляло бы значительный интерес сопоставить строительство землевариишеств на Западе с колхозным строительством у нас. Работая в настоящее время над темой о колхозном строительстве в советских условиях, я предполагаю там провести это сопоставление. Здесь, в заключение настоящей статьи, отмечу лишь следующее.

Не говоря о ряде черт прусских земельных товариществ, изображающих буржуазные условия среды, в которой они образуются, надо не забывать и того, что эта колективизация применяется только к некоторой, небольшой категории земель — к землям, плохо эксплуатируемым. Правда, беря немецкий масштаб, пришлось бы многое из наших земель зачислить в эти категории. Но, ведь, прилагать тот масштаб приходится к Германии, и тогда надо констатировать, что все огромное сельское хозяйство Германии, в том числе и мелкокрестьянское, исключается из земельной колективизации. Последней подлежат только земли, не вошедшие достаточно сильно в сельское или лесное хозяйство. По пространству этих земель в Германии довольно много, но по ценности они занимают в общем земельном фонде Пруссии совершенно ничтожное место. Поэтому, несмотря на чрезвычайный радикализм закона 1920 г. надо не упускать из вида, что земельные товарищества по этому закону допускаются в германском народном хозяйстве только как редкое исключение.

Особый интерес закона 1920 г. надо видеть в проработке практической стороны вопроса. Правда, кое что в организации прусских землевариишеств остается все-таки неясным. Но, в общем, практическая сторона дела проработана там довольно тщательно и углубленно. У нас, пока что, в наших работах по колхозному строительству главное внимание уделяется идеологической и агитационно-пропагандистской стороне дела; практической его стороне мы уделяем сравнительно еще мало внимания и в законах, и в инструкциях, и в литературе. Много лучшего ожидают с этой стороны и изданы примерные уставы колхозов разных типов.

Главное отличие прусских землевариишеств от наших колхозов заключается, разумеется, в принципиально иной классовой основе. Со стороны организационной различие заключается в следующем.

Принцип добровольности участия в кооперации является коренным и на Западе, и у нас. Но в то время, как на Западе, земельные коллективы не вдвинуты в общий кооперативный фронт, мы это делаем со всем решительностью. В соответствии с этим, добровольность участия в колхозах объявлена у нас коренным началом колхозного строительства.

¹⁾ Но значительно уже по сфере действия, поскольку водные товарищества могут охватывать земли всякого рода, а не только малодоходные.

Прусский же закон строит земтоварищества на началах крайней принудительности, т. е. на началах совершенно противоположных. Прусские земтоварищества—это принудительные, насильтственные коллективы, чем они резко отличаются от всяких типов кооперации.

Надо, однако, учесть реальные условия колхозного строительства. Когда строится колхоз на свободном фонде, то принцип добровольности может быть проведен в полном об'еме. Колхозу дается "даром" новая земля—очевидно, тут не может быть места какому либо принуждению. Иначе складывается дело, если колхоз образуется на трудовой земле, путем перехода крестьян от индивидуального хозяйства к коллективному. Представим себе земельное общество в 200 дворах, в котором 20 дворов желают об'единить свои земли и хозяйства в земельный коллектив. Мы не включаем в этот коллектив дворы, которые не желают в него войти,—в этом мы строго выдерживаем принцип добровольного участия в коллективе. Мы только всячески помогаем коллективу образоваться и стать на ноги. Но в этой помощи мы идем на решительное и крайнее принуждение в отношении прочих дворов, которые остаются за пределами коллектива. В самом деле, наши 20 колхозников состоят в трехпольной или многопольной чрезполосности с остальными 180 дворами земельного общества. Вести на нескольких десятках разбросанных полос коллективное хозяйство нельзя. Надо полосы колхозников свести в одно место, в один участок. Но эту операцию, называемую у нас выделом, только в редких случаях можно провести так, чтобы не причинить крупного ущерба остальным 180 дворам. Вообще же весь их севооборот и все их полосы будут выделом сбиты. Выдел выхватит из общества определенный участок пашни, занятый каким либо полем севооборота и полосами некоторых дворов общества. В результате выдела 180 дворов должны будут заново и по другому разбить поля севооборота и распределить их по новому на полосы, т. е. проделать очень хлопотливую операцию. Особое тяжелое положение складывается для остающихся; если общество незадолго перед тем уже землеустроилось, перешло к многопольному севообороту и произвело более или менее крупные затраты на преобразование хозяйств своих членов—вся эта работа из за выдела, пойдет на смарку; ее придется проделать снова¹⁾.

Дело осложняется тем, что выделу для колхозов у нас подлежат не дальние и худшие земли, а ближние и лучшие. Таким образом, в результате устройства 20 колхозников мы наносим еще другой существенный ущерб остальным 180 дворам—их земельный фонд качественно ухудшается. Вполне понятно, что общество своего согласия на такой выдел не даст; проводить его придется посредством принуждения в отношении к 180 дворам, что наш закон и разрешает.

Может, затем случиться, что по истечении небольшого времени еще некоторое число дворов пожелают присоединиться к нашему колхозу. С точки зрения нашей аграрной политики мы будем это явление всячески приветствовать как со стороны роста колхозного движения вообще, так и в интересах укрупнения нашего колхоза. Закон разрешает произвести новый выдел, добровольный для выделяющихся, но принудительный для остальных. Для последних этот новый выдел будет означать новое расстройство севооборота и распределения полос, новую потерю ближней и

¹⁾ В литературе есть попытки указать приемы, при которых выделы колхозов не разбивали бы недавно заведенного многопольного севооборота, но предложенные приемы едва ли особенно практичны.

хорошей земли. За вторым выделом может последовать, через короткий срок, третий, четвертый и т. д.

Выдел, как особый, чрезвычайно острый землеустроительный прием, получил, как известно, очень широкое применение в столыпинском землеустройстве, но применялся там, само собой разумеется, для образования не коллективов, а единоличных отрубов и хуторов. И средство это оказалось очень сильным. Лишь только крестьяне узнавали силу и остроту этого средства, они спешили заявлять "единогласное" желание перейти на отруба "всем обществом". Как известно, руководители столыпинской политики любили ссылаться на то, что принудительные выделы занимали в ней ничтожное место, что отрубное и хуторское движение приобрело стихийный характер, что землеустроительное ведомство располагает огромным количеством заявок от целых обществ и не успевает эти заявки удовлетворить и т. д. Формально дело обстояло действительно так. Но мы то знаем, что за этой формой скрывалось в огромном большинстве случаев существенно иное содержание—под реальной угрозой крупного ущерба из-за утраты потери ближних и лучших земель и из-за необходимости после каждого выдела заново перестраивать поля севооборота, полосы, дорожную сеть и т. д., т. е. под угрозой искусственно вызываемых, крайне неблагоприятных последствий, крестьянским обществам не оставалось иного выхода как „единогласно“ просить о разверстании на отруба. Поэтому весь такой прием землеустройства я предложил бы называть методом „вынужденного согласия“ (см. § 10).

Нельзя скрывать от себя, что Земельный кодекс, особенно в последних редакциях, (ст. ст. 136 и 139 по закону 30. IV. 1928) стал в отношении образования колхозов на трудовых землях на путь широкого применения такого острого средства, каким является выдел. Запад даже в радикальных видах землеустройства этого средства не применяет. Мы не разрешаем землеустроителю включать в коллективы того, кто формально не заявил согласия на это, но мы разрешаем землеустроителю применить самое острое принуждение в отношении несогласных, в виде чувствительного расстройства их хозяйства. Мы их не включаем в коллектив, но заставляем приносить немалые жертвы из-за образования колхоза.

Для образования колхозов на трудовых землях Земельный кодекс указывает еще другой путь, помимо выделов,—земельное общество по большинству голосов вправе постановить о переходе к коллективному порядку землепользования, даже в виде коммуны. Здесь мы применяем явное принуждение к меньшинству. Оно принудительно вводится в колхоз. Правда, наш закон предоставляет этому меньшинству выделиться и оставаться при существующем порядке землепользования. Но меньшинству не придется претендовать на то, что его выделят на худшие и дальние земли, а также на то, что полосы дворов этого меньшинства все таки будут сбиты. Выделвшемуся меньшинству придется заново перестраивать все свое полевое хозяйство, заново разбирать севооборотные поля, поля разбивать на подворные полосы и т. д. и т. д.

Одно из коренных отличий земельной коллективизации от всех иных видов кооперации заключается в том, что в то время, как кооперация может и должна проводиться на принципе абсолютной добровольности, коллективизация земельная на этом принципе строится, вообще говоря, фактически не может, за исключением случаев, когда коллективудается новая земля и некоторых других, довольно исключительных случаев. Принуждение острое применяет прусский закон 1920 г.; принуждение

применяет и советский Земельный кодекс. Различие лишь в способах и формах этого принуждения, и вопрос сводится лишь к тому, какой прием принуждения представляется более практическим и вносящим менее недовольства в те социальные слои населения, союзом с которым власть дорожит.

По другому коренному кооперативному принципу выход из кооперативного об'единения всегда свободен, и выходящему не должно становиться никаких неблагоприятных условий. Иное дело мы имеем в коллективе земельном, основу которого составляет об'единение земель. Сoverенно очевидно, что если выходящим из земкооперативов было бы предоставлено выделять из коллектива соответствующее количество земли, то, в общем, за малыми исключениями, это будет явным разрушением всего коллектива. Никакое хозяйство, сколько нибудь солидное, не может оставаться таковым, если из него будут насилием вырывать куски его территории и разрушать, таким образом, план хозяйства и соответствие его частей. Поэтому, как мы видели, закон 1920 г. допускает выдел земли из коллектива только в редчайших случаях—если колективизация приносит земле явный убыток (понижение урожайности), но и в этом случае коллектив имеет право выкупить такую землю (§25). Член земтоварищества не желающий в нем оставаться, может выйти из него путем продажи земли—покупщик тогда станет членом товарищества, которое не вправе такой замене лиц помешать. Но самую землю—таков своеобразный „вступительный взнос“ членов в земельных коллективах—получить обратно нельзя.

В нашем колхозном строительстве выход из колхоза—вопрос довольно темный. Вопрос этот ясен в отношении колхозов, образуемых на госфондовой земле. Если группу батраков и безземельных организуют в коммуну и дают ей даром совхоз, то вполне ясно, что выходящий из коммуны претендовать на такую землю не может. Вопрос становится значительно сложнее, когда колхоз образован путем колективизации трудовой земли, имеющейся у крестьян, образующих колхоз. Правда, эта земля, в виду об'явлений национализации, не составляет собственности крестьян, но эта все-таки земля „отцов и дедов“, „кровью и потом политая“, земля, за которую царскому правительству выплачен лихвенной выкуп и которая советской властью оставлена в руках крестьян на правах постоянного безвозмездного трудового пользования. Пусть эта земля не „моя“, в смысле собственности; она „моя“ в смысле постоянного трудового пользования. Мне приходилось от некоторых практиков земельного дела слышать, что от образования колхозов крестьян останавливает не столько боязнь новизны („общественные запасы“ в старину практиковались достаточно широко), не столько индивидуалистические настроения (организуют же крестьяне коллективную пастьбу скота), сколько неизвестность того, как выбраться из коллектива, если это почему либо окажется необходимым. Что можно выбраться из колхоза ценой отказа от земли, это, разумеется, всем ясно, что такой „свободный“ выход выходящего не устраивает, в особенности бедняка, ибо, при ограниченности его капитала, земля составляет главную, преобладающую часть его материального благополучия. Наши законы не дают ясного и простого ответа на вопрос о том, на каких условиях можно выйти из земельного коллектива. Продать свою землю другому лицу, на прусский манер, член такого коллектива не может, не может даже продать землю самому коллективу. Возникают сомнения и по поводу права коллектива вообще оказать существенную помощь выходящему, оставляющему в коллективе

свою землю, ибо это может быть истолковано как купля-продажа земли, у нас абсолютно запрещенная. В одном можно не сомневаться—вопреки тому, что делается в основных типах кооперации, в земкооперативах выход из них с землею должен быть сильнейшим образом стеснен, ибо подражание в этом отношении кооперации означало бы, повторяю, развал коллектива по требованию любого его сочленя. Стало быть, и с этой стороны, со стороны возможности выхода, советские колхозы будут в известной степени пронизаны принудительным характером, подобно прусским земтовариществам, и вопрос сводится лишь к оценке той или иной формы этой принудительности с точки зрения целесообразности и рациональности.

Жизнь кооперации протекает на началах самоуправления, общественного самоопределения. Так это поставлено дело в принципе и на Западе, и у нас—о фактическом положении дела я в данном случае не говорю. Но даже и в принципе, о самоуправлении в прусских земельных товариществах приходится говорить только в очень ограниченном смысле. Власть правления и, особенно, органа надзора—с его правом фактически передать все функции товарищества в руки назначенных лиц—так велика, что у меня возникают даже сомнения, не следует ли прусские земтоварищества больше сопоставлять не с нашими колхозами, а с совхозами, в коих хозяйство ведется государственной, а не общественной организацией. От такого сближения меня удерживает только тот пункт, что прибыль земтоварищества идет не в казну, а в частные руки.

У нас в отношении колхозов идет довольно сильное стремление оградить их от вмешательства административной власти. Но это стремление перекрещивается довольно сильным другим стремлением—поставить земельные общества под сильный контроль и зависимость от сельсоветов, т. е. организаций общего управления; колхозы же являются либо земельными обществами, либо частью таковых. Как разрешится эта коллизия двух взаимно перекрещивающихся течений—сказать пока трудно. Но вот на какой факт приходится обратить внимание.

Если земорганы широко используют орудие принудительных выделов для образования колхозов, то надо расчитывать на возможность таких случаев, когда крестьяне пойдут в колхоз не ради его выгод, а во избежание описанных выше невыгодных последствий. Не исключена, следовательно, возможность „единогласного“ образования колхозов лицами, которые, в действительности вести коллективного хозяйства не хотят. С явлением „мнимых колхозов“, хотя и по другому поводу, мы уже имели дело. Кто поручиться, что мы не встретимся с ними опять, но в другой форме? И тогда нам не миновать взвинуть в дело принудительный административный аппарат. Примет ли принуждение ту форму, которую прусский закон рассчитывает парализовать возможный саботаж земтовариществ или возможное превращение их в коллективную фикцию, или у нас это принуждение примет иную форму,—в одном нет для меня сомнения—прибегнуть к тому или иному принуждению нам придется. Это будет в порядке вещей.

И у нас, и на Западе кооперация истолковывается как организация частно-правовая. Но германское законодательство безусловно право, когда конструирует земельные коллективы, как организации публичные. Это вытекает из всех описанных черт, которые абсолютно не подходят к коллективу (корпорации) гражданского права. Из искусственного включения колхозов в систему кооперации.

конструировать их как организации частно-правовые, хотя советским условиям довелось бы быть здесь как раз на первой позиции; частно-правовая конструкция более подходит к буржуазным условиям. Я вообще полагаю, что включение колхозов в систему кооперации окажет у нас колхозному строительству отрицательную услугу, о чем подробно буду говорить в другой работе. Колхозы слишком резко отличаются от основных типов кооперации, чтобы включение их в общекооперативный фронт могло бы содействовать успеху дела.

В заключение отметим, что законы о земельных коллективах изданы не только в Пруссии, но и в некоторых других германских государствах.

10 сентября 1928 года.

О Т Р Е Д А К Ц И И:

Помещая настоящую статью проф. О. А. Хауке, как весьма интересную, редакция считает необходимым отговорить, что она не согласна с выводом автора об отказе от принципа добровольности и выделении системы колхозов из общей кооперативной системы.

РЕДАКЦИЯ.

А. И. ГОРЕЛИКОВ

К ВОПРОСУ О ФОРМЕ СТАТБЛАНКОВ

(В СВЯЗИ С РАЦИОНАЛИЗАЦИЕЙ РАЗРАБОТКИ СТАТМАТЕРИАЛОВ)

Ежегодно в СССР в порядке ли текущих обследований (и регистраций) или при специальных обследованиях той или иной стороны народно-хозяйственной жизни страны Ц. С. У. и другими центральными и местными научно-исследовательскими и хозяйственными учреждениями заполняется не один десяток миллионов статистических бланков.

При демографической переписи 1926 г. всевозможных статкарточек (личных листков, семейных карточек, владеных ведомостей) заполнено около 200,000,000; при будущей с.-х. переписи должно быть заполнено около 25,000,000 подворок.

Размер употребляемых при этих обследованиях и переписях статбланков бывает от $\frac{1}{8}$ части печатного листа до нескольких листов.

Что касается формы этих бланков, то она, будучи в основном, унаследована еще от земской статистики, представляет собою совокупность больших и маленьких таблиц—часто в перемежку с текстовыми вопросами,—сплошь заполняющих карточку.

Сводка собранных на карточках сведений в статистические таблицы тем труднее и сложнее, чем больше и сложнее самые карточки.

В случаях, когда употребленный при обследовании формуляр велик и сложен, собранные в нем данные часто сначала выносятся на вспомогательные (рабочие) карточки и уже с последних сводятся в таблицы. Но и тогда, когда подсчет собранных сведений делается непосредственно с первичных бланков, разработки статматериалов крайне сложное и кропотливое дело.

Происходит это потому, что только небольшая часть вопросов в обычно употребляемых формах статбланков расположена по краям карточки и легко может быть подсчитана счетчиками путем наложения карточек одной на другую.

Остальные сведения ему приходится „вылавливать“ из середины карточек. Эта операция наиболее безошибочно выполняется только при работе счетчиков попарно. Из них один отыскивает нужные сведения, а другой на рабочую таблицу карточками, точками или прямо цифрами, как очищать в бланке, записывает их или же сразу откладывает на счетах. При выполнении же этой работы в одиночку счетчик часто ошибается. Ошибившись же при подсчете какого-нибудь вопроса на середине работы, он должен вторично проделать ее.

Для проверки работы счетчиков, при разработках массовых статматериалов, держатся специальные контролеры. Причем этим последним значительно труднее работать, когда формуляр слишком громоздок по форме.